

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

ՏՈՒՄԱՆՈՎ ԳԵՎՈՐԳ ԿՈՆՍՏԱՆՏԻՆԻ

**ԻՆՔՆԱՊԱՇՏՊԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔՈՒՄ. ԱՐԴԻ
ԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ԵՎ ԶԱՐԳԱՅՄԱՆ ՀԵՌԱՆԿԱՐՆԵՐԸ**

ԺԲ.00.06 - «ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔ» ՄԱՍՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՄԲ

**ԻՐԱՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԹԵԿՆԱԾՈՒԻ ԳԻՏԱԿԱՆ ԱՍՏԻՃԱՆԻ
ՀԱՅՑՄԱՆ ԱՏԵՆԱԽՈՍՈՒԹՅԱՆ**

ՄԵՂՄԱԳԻՐ

ԵՐԵՎԱՆ – 2014

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТУМАНОВ ГЕВОРГ КОНСТАНТИНОВИЧ

**САМООБОРОНА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

АВТОРЕФЕРАТ

**ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА
ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ
12.00.06 - «МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО»**

ЕРЕВАН – 2014

Ատենախոսության թեման հաստատվել է Երևանի պետական համալսարանում

Գիտական ղեկավար՝

իրավաբանական գիտությունների
դոկտոր, պրոֆեսոր Վ. Հ. Հովհաննիսյան

Պաշտոնական ընդդիմախոսներ՝

իրավաբանական գիտությունների
դոկտոր, պրոֆեսոր Լ. Ի. Վոլովա

իրավաբանական գիտությունների
թեկնածու Ե. Գ. Կիրակոսյան

Առաջատար կազմակերպություն՝ Եվրոպական տարածաշրջանային ակադեմիա

Պաշտպանությունը կայանալու է 2014թ. մայիսի 12-ին, ժամը 14⁰⁰-ին Երևանի պետական համալսարանում գործող ԲՈՀ-ի իրավագիտության 001 մասնագիտական խորհրդի նիստում (0025, ք. Երևան, Ալեք Մանուկյան 1):

Ատենախոսությանը կարելի է ծանոթանալ Երևանի պետական համալսարանի գրադարանի գիտաշխատողների ընթերցասրահում:

Մեղմագիրն առաքված է 2014 թ. ապրիլի 11-ին:

Մասնագիտական խորհրդի գիտական քարտուղար,
իրավաբանական գիտ., թեկնածու, դոցենտ

Վ.Դ. Ավետիսյան

Тема диссертации утверждена в Ереванском государственном университете

Научный руководитель:

доктор юридических наук,
профессор В. А. Оганесян

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук,
профессор Л. И. Волова

кандидат юридических
наук Е. Г. Киракосян

Ведущая организация: Европейская региональная академия

Защита состоится 12-ого мая 2014 г. В 14⁰⁰ часов на заседании специализированного совета ВАК 001 по юриспруденции при Ереванском государственном университете (0025, г. Ереван, ул. Алека манукяна 1).

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научных работников библиотеки ЕГУ.

Автореферат разослан 11 апреля 2014 г.

Ученый секретарь Специализированного совета,
кандидат юридических наук, доцент

В. Д. Аветисян

Актуальность темы исследования. 27 июня 1986 года Международный Суд ООН вынес свое решение по делу Никарагуа. Впервые в своей истории он дал разъяснения и выработал определенные решения по вопросам, связанным с применением вооруженной силы в рамках международного права (*Ius ad Bellum*), в том числе определил условия для осуществления неотъемлемого права государств на самооборону. Как было отмечено в решении по этому делу, важность дела по Никарагуа состоит в том, что «достигнуто общее согласие о характере действий, которые можно рассматривать в качестве составляющих вооруженного нападения», в ответ на что можно обращаться к праву на самооборону.

С тех пор как в 1945 году была учреждена ООН позиции многих исследователей были глубоко разделены в отношении Статьи 51 Устава ООН, которая закрепляет право на самооборону, а именно в части выражения «если произойдет вооруженное нападение». Спор разгорелся относительно того, можно или нельзя ссылаться на Статью 51 Устава и заявлять о так называемом праве защиты граждан за рубежом; можно ли также обращаться к Статье 51 Устава во время «незначительного» вооруженного нападения; можно ли в принципе обращаться к так называемой упреждающей, превентивной или перехватывающей самообороне; можно ли обращаться к праву на самооборону в рамках Статьи 51 Устава в отношении государства, участвующего в так называемой «косвенной агрессии», и т.д. Существует большая путаница и в вопросе требований «вооруженного нападения», что усугубляется при соотношении Статьи 51 Устава и Статьи 2(4), которая устанавливает общий запрет на использование вооруженной силы. Вопрос становится еще более острым при толковании и попытке установления взаимосвязи между Статьей 51 и нормами обычного международного права.

Несмотря на наличие мрачной картины явного отсутствия «общего согласия», после принятия Устава ООН международно-правовая культура поведения государств выработала общепринятые определенные рамки поведения в отношении реализации права на самооборону. Большинство юристов-международников последовательно придерживались широкого толкования запрета на применение силы, наряду с более или менее строгим чтением права на самооборону.

Хрупкое равновесие, которое существовало ранее, было принципиально нарушено после событий 11 сентября 2001 года, а также последующими действиями. Вдруг дремлющие академические споры были выдвинуты на первый план общественного внимания. Некоторые государства-члены ООН прямо заявили, что Устав ООН в части обращения к вооруженной силе уже не подходит для борьбы с новыми вызовами и угрозами в XXI веке, заявляя, что нужны новые механизмы для борьбы с международным терроризмом, распространением оружия массового уничтожения и распространения так называемых «провалившихся государств» (*failed states*). Военные доктрины безопасности становятся более приспособленными для интеграции в более широкое толкование самообороны. Некоторые юристы-международники сделали все, чтобы эти события стали обычной правовой практикой действий государств на такие явления, а некоторые из них зашли так далеко, что квалифицировали ответную реакцию США на нападения 11 сентября 2001 года (то есть интервенция в Афганистан и принятие «доктрины Буша») как «мгновенный

обычай» (*instant custom*), изменяющий существующую норму.

Тринадцать лет спустя, в настоящее время, уже сформировалась внушительное *opinio iuris*, что позволяет более глубоко толковать нормы права в отношении самообороны. Все это доказывает, что некоторые наиболее радикальные предложения, высказанные сразу после событий 11 сентября 2001 года, были сделаны под влиянием момента (эмоций) и не соответствуют фактическим требованиям к необходимым изменениям в международном праве. В подтверждение этого можно привести п. 79 итогового документа Всемирного саммита 2005 года, который гласит, что «...мы подтверждаем, что соответствующих положений Устава достаточно для противодействия всему спектру угроз международному миру и безопасности». На этом фоне в настоящем исследовании мы постараемся ответить на вопрос, каким образом эти события изменили границу права на самооборону, изучим как *de lege lata* так и *de lege ferenda*, а также постараемся ответить на вопрос, изменил ли радикально такой «шторм» современные рамки *Ius ad Bellum*.

Цель и задачи исследования. Основной целью настоящего исследования является определение и анализ особенностей современного понимания права на самооборону, принципа неприменения силы или угрозы силой, их соотношения, а также содержание других существующих международно-правовых норм и институтов, дающих право государствам обращаться к институту самообороны.

Целью исследования также является комплексное теоретическое осмысление международно-правовых аспектов обращения к праву на самооборону и тенденций развития международного права с учетом новых угроз и вызовов.

В исследовании предпринята попытка определить объективные критерии правомерности обращения к праву на самооборону, в том числе и в случае борьбы с негосударственными акторами, что помогло бы исключить случаи злоупотребления правом на самооборону.

Достижение поставленных целей требует решения следующих задач:

- исследовать становление и развитие института самообороны в международном праве;
- определить точное правовое содержание права на самооборону в современном международном праве;
- определить правовую природу и нормативное содержание института самообороны в действующем международном праве;
- установить соотношение принципа неприменения силы или угрозы силой и института самообороны;
- исследовать практику государств для выяснения наличия других норм, дающих право государствам применять вооруженную силу в целях самообороны и определения их точного правового содержания;
- в рамках предмета исследования рассмотреть международно-правовые вопросы применения вооруженной силы в отношении негосударственных акторов.

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования являются международно-правовые отношения, складывающиеся в отношении применения государствами права на самооборону. Предметом данного исследования являются нормы международного права и внутригосударственного права, относящиеся к

применению государствами права на самооборону в международных отношениях. Особое внимание обращается на рассмотрение международных обычаев, практики государств, а также решений международных судебных органов.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Исходя из поставленных целей, задач, а также из предмета и объекта исследования в диссертации, использовались как общенаучные методы (диалектический метод, системный метод, анализ и синтез, логический метод, метод абстракции и др.), так и специальные правовые методы (формально-юридический и сравнительно-правовой).

Диссертация основывается на теоретических положениях и выводах отечественных и зарубежных авторов, а также на результатах анализа различных международных и внутригосударственных актов и международной практики (включая судебную практику).

В работе автор использовал труды видных советских и российских ученых: А.Х. Абашидзе, И.П. Блищенко, Ю.Н. Жданова, Ю.М. Колосова, В.С. Котляра, Э.С. Кривчиковой, С.Б. Крылова, В.И. Кузнецова, М.И. Лазарева, Д.Б. Левина, И.И. Лукашука, Ю.Н. Малеева, Ф.Ф. Мартенса, Г.М. Мелкова, В.И. Менжинского, Ю.Я. Михеева, Ю.А. Решетова, Э.И. Скакунова, В.К. Собакина, Б.Р. Тузмухамедова, Г.И. Тункина, Н.А. Ушакова, О.Н. Хлестова и др.

Диссертация также учитывает работы таких видных зарубежных исследователей как С. Александров, Й. Динштайн, М. Шмидл, Дж. Л. Кунц, Р. Л. Холмс, П. Рэмси, Х. Нойлд, Х. Кельзен, Дж. В. Гарнер, Л. С. Грreen, Т. Руйс, К. Скубишевский, Дж. Л. Брайерли, А. Рандельцхофер, Дж. Каммерхофер, Л. М. Гудрич, Х. Г. Францке, Д. В. Грейг, А. Чэйс, Р. Хиггинс, С. Грей, Дж. Гардм, Э. Миллер, Б.О. Брайда, Дж. Комбаку, Т. М. Франк, К. Кресс, К. Штайни др.

Для раскрытия темы использованы как отечественные, так и зарубежные источники, касающиеся указанной проблематики. Изучен обширный опыт ООН по вопросам самообороны и борьбы с терроризмом, в частности, резолюции СБ и ГА ООН, доклады Генерального секретаря и специальных групп, стенограммы обсуждений вопросов в СБ. Вопросы самообороны были также предметом рассмотрения Международного Суда ООН в ряде дел консультативных заключений. Кроме того, изучены национальные законодательства ряда стран, выступления официальных лиц и акты различных государственных органов.

Существующие исследования. Вопросы самообороны (включая применение силы) и международно-правовые аспекты борьбы с терроризмом широко освещаются в российской и зарубежной литературе. Отдельно необходимо выделить некоторые исследования. Различные вопросы самообороны были рассмотрены в монографическом исследовании Э.И. Скакуновым (Э.И. Скакунов. Самооборона в международном праве. М., 1973) и Г.В. Шармазанашвили (Шармазанашвили Г.В. Самооборона в международном праве. М.: УДН, 1973). Из последних исследований необходимо выделить докторские диссертации Ю.Н. Жданова («Принудительные меры в международном праве», диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук, М., 1999) и В.С. Котляра («Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО», автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, М., 2007). Также необходимо выделить

диссертацию на соискание ученой степени А. С. Орбеляна («Право государств на применение вооруженной силы в условиях современных международных отношений», диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, М., 2008). Различные аспекты международного права, связанные с принципом неприменения силы или угрозы силой, принципом мирного разрешения споров, самообороной, принудительными мерами, международно-правовыми аспектами борьбы с терроризмом, ответственностью государств, прав и обязанностей государств и т.д., были рассмотрены в многочисленных монографических исследованиях и статьях советских и российских ученых.

В зарубежной литературе также существует целый ряд исследований международно-правовых аспектов самообороны, применения силы, мирных средств разрешения споров и др. В частности, специальные монографические исследования были проведены Д. Боуэтом, Я. Броунли, Дж. Л. Кунц. Из последних исследований необходимо назвать монографию С. Александрова, Й. Динштайна, Т. Руйс, М. Шмидл и др.

Новизна исследования. Впервые за последнее время на диссертационном уровне проведено обширное исследование международно-правовых аспектов самообороны, включая подробное изучение вопроса становления и развития института самообороны. Предложен проект Резолюции ГА ООН в отношении определения «вооруженного нападения» в целях ограничения обращения к вооруженной силе и, следовательно, к самообороне. Изложена позиция, в соответствии с которой де-факто государства имеют права на неотъемлемую самооборону, а СБ ООН обязан реагировать на вооруженное нападение в отношении де-факто государства. Также новизной настоящего исследования являются предпринятые попытки раскрытия концепции самообороны в отношении кибератак.

Сегодня ситуация в достаточной степени изменилась по сравнению с 1945 г., когда был принят Устав ООН и формулировалось большинство норм, регулирующих вопрос самообороны. Появилось множество новых угроз и вызовов, более активную роль в международной жизни начали играть различные негосударственные акторы, что делает необходимой переосмысление традиционных институтов с точки зрения новых реалий международной жизни. В связи с чем особое внимание уделяется вопросу основания для самообороны и раскрывается вопрос различных существующих концепций самообороны.

Предмет исследования изучен с учетом современных объективных реалий международной жизни, в частности, учтен такой относительно новый феномен, как «несостоявшиеся» или «провалившиеся» государства (failed states).

Положения, выносимые на защиту.

1. Все попытки легитимизации упреждающих действий не правомерны, так как к ним не представляется возможным применить как минимум принцип пропорциональности. Более того, превентивные меры должны являться исключительной компетенцией СБ ООН, а государство, являющееся объектом непосредственной угрозы, в соответствии с установившейся нормой международного права может предпринять упреждающие вооруженные действия только с санкции СБ ООН в случае, если никакие другие средства не позволяют устранить данную угрозу,

с условием соблюдения всех требований применения права на самооборону.

2. Концепция самообороны против негосударственных акторов (в частности, против террористических групп) является несостоятельной, так как противоречит природе самообороны, что, однако, не означает, что у государств нет правомерной возможности защитить себя от таких нападений (в частности, возможность обращения в СБ ООН, укрепление собственной обороноспособности и т.д.).

Если негосударственный актор обращается к вооруженной силе в отношении государства под непосредственным руководством или по инструкции определенного государства, то в таких случаях, с учетом всех требований, государство, которое непосредственно руководствует или играет каким-либо иным образом существенную роль в действиях негосударственного актора, может само стать объектом действий в целях самообороны со стороны «потерпевшего» государства.

3. Устав ООН в части положения о применении вооруженной силы не отвечает требованиям новых международных вызовов и угроз. Сегодня уменьшилась «определенность» в Статье 51 Устава ООН, исходя из усложнения, многогранности международных отношений и специфики угроз, вызовов и конфликтов в XXI веке. Диссертант считает, что настало время, когда государства-члены ООН должны прийти к консенсусу, хотя бы в большинстве случаев по вопросу применения вооруженной силы в рамках Устава ООН, что даст возможность более эффективно и однозначно определить и квалифицировать законность применения силы, что в свою очередь приведет к возможности осуждения незаконных действий актора в том или ином конкретном случае. Исходя из этого, диссертант полагает необходимым разработать и принять Резолюцию ГА ООН в отношении определения «вооруженного нападения».

4. Принцип запрета угрозы силой или ее применения, а также неотъемлемое право на самооборону может и должен быть отнесен ко всем де-факто государствам исходя из императивной обычной международно-правовой природы настоящих принципов (норм). Де-факто государство обязано защищать своих граждан в случае вооруженного нападения. СБ ООН обязан реагировать на такие действия в отношении де-факто государства, так как именно СБ ООН несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности в соответствии с Уставом ООН. СБ обязан гарантировать соблюдения основополагающих прав человека, в том числе на территории де-факто государств, а именно права на жизнь, что может быть нарушено в случае вооруженного нападения на де-факто государство.

5. Угроза кибератаки в форме «вооруженной силы», как утверждают некоторые авторы, существует в сегодняшнем мире и порой она представляет большую опасность, нежели классический вид боевого вооружения. Тем не менее кибератака есть нечто неопределенное, неосязаемое, сложно доказуемое, последствия и ущерб которой порой трудно оценить. Последствия кибератаки могут быть как прямыми, так и косвенными, а в некоторых случаях косвенные последствия могут быть выше, чем прямые последствия.

В контексте существующего международного права и классического понимания «вооруженное нападение» и «самооборона», обращения к самообороне в контексте

Статьи 51 Устава ООН в отношении кибератак являются неправомерными, так как кибератака - это ни есть «вооруженное нападение» по смыслу Устава ООН и практики Международного Суда ООН. Более того, представляется практически невозможным отвечать требованию «пропорциональности» в случае возможной кибератаки, в случае обращения к правомерной самообороне. Решением настоящей проблемы может быть разъяснение и толкование ГА ООН и Международного Суда ООН в части кибератак.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации изложены в опубликованных работах, а также апробированы на научно-практических конференциях и круглых столах, проходивших в Монтерее (США), Москве (РФ), Вене (Австрия), Ереване (Армения), Женеве (Швейцария) и др.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры международного права Ереванского государственного университета.

Структура работы определяется целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во Введении обосновывается актуальность темы диссертационной работы, ставятся цели и задачи исследования, определяются его объект, предмет, методологические и теоретические основы, аргументируется научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту, а также приводятся сведения об апробации результатов исследования.

В Главе 1 «Становление и развитие института самообороны в международном праве» исследуется эволюция самообороны в международном праве, что является достаточно сложной задачей, так как право на обращение к вооруженной силе часто рассматривалось как обычное средство для формирования международных отношений. Но такая картина прослеживалась лишь до начала XX века, когда государства начали ограничивать себя в праве на обращение к вооруженной силе в целях разрешения споров, в связи с чем право на самооборону начинает получать юридическое оформление. Изучение данной эволюции имеет исключительную важность для настоящего исследования, что должно явиться отправной точкой для правильного понимания других исследуемых норм и институтов.

В Главе 1, §1 «Теория «*bellum iustum*» (справедливой войны)». Доктрина инцидента «Каролины» рассматривается становление современного института самообороны в международном праве начиная с Римской империи и с развития христианства как господствующей религии в Европе. Особое внимание уделяется теории «справедливой войны». Анализируются учения Ф. Аквинского, А. Августина, Ф. Суареса, Ф. Витория и Б. Айала в отношении *bellum iustum*. Подробно анализируется позиция Г. Гроция в отношении понятия «война» и *bellum iustum*. Далее исследуется доктрина инцидента «Королины». Примечательно то, что некоторые западные специалисты по международному праву считают, что в дипломатической корреспонденции по данному делу понятие самооборона в

международном праве было определено и что данное определение является действительным и по сей день.

В Главе 1, §2 «Договорное становление права на самооборону» предпринята попытка систематизировать нормативное становление права на самооборону на основании международных конвенций, соглашений, пактов и статуты международных организаций.

В Главе 1, §3 «Понятие самопомощи и самосохранения в международном праве» исследуются термины «самопомощь» (self-help) и «самосохранение» (self-preservation). Анализируются доктринальные различные позиции в отношении вышеуказанных терминов у таких видных исследователей как А. Ривье, И. Блюнчли, А. Гефтера, Ф. Листа, Д. Анцилотти, Э. Дикинсона, Р. Дженнингсона, Л. Оппенгейма, Г. Уитона, Я. Браунли, Г. Кельзена, Дж. Л. Кунца, К. Скубишеского, И. Левина, Е. Коровина, Ф. Кожевникова, Н. Захарова, Г. Тункина, Г. Шармазанашвили, А. Сковроньского, В. Собакина и др. Приводится дело «Р. против Дадли и Стефенса» (R. v. Dudley and Stephens).

В Главе 2 «Устав ООН и право на самооборону» утверждается, что определение юридической природы, а также точного содержания самообороны имеет значительное теоретическое и практическое значение и является одним из основных объектов исследования настоящей работы.

До начала рассмотрения права на самооборону в рамках Устава ООН осуществлена попытка анализа термина «война».

Г. Гроций определял войну как состояние борьбы силою. Сегодня термин «война» заменен понятием «вооруженный конфликт», как это видно при изучении, в частности, международного гуманитарного права, или «применение силы» в рамках Устава ООН.

В наше время самооборона неразрывно связана с «вооруженным нападением», а вооруженное нападение может в свою очередь вести к вооруженному конфликту или же к самой «войне», если конфликт занимает продолжительное время. Сегодня «война» де-юре встречается достаточно редко и если люди говорят о «войне», то представляется, что они имеют в виду самую жесткую форму межгосударственного конфликта, в результате чего происходит самое страшное – человеческие потери и огромные разрушения.

Глава 2, §1 «Положения Статьи 51 и Статьи 2(4) Устава ООН» подробно анализирует *travaux preparatoires* к Уставу ООН, в частности Статьи 51 и 2(4). Статья 51 Устава ООН гласит: «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор пока СБ не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Меры, принятые Членами Организации при осуществлении этого права на самооборону, должны быть немедленно сообщены СБ и никоим образом не должны затрагивать полномочий и ответственности СБ, в соответствии с настоящим Уставом, в отношении предпринятия в любое время таких действий, какие он сочтет необходимыми для поддержания международного мира и безопасности».

Нельзя не согласиться с мнением Д. Боуэтта который, полагает, что правильное

толкование настоящей Статьи можно сделать только после обращения к Статье 2 (4) Устава ООН, так как Статья 51 Устава ООН является одним из двух признанных исключений из общего запрета на применение силы в рамках Устава ООН.

Статья 2(4) Устава ООН гласит: «Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций».

Впервые Договорившиеся стороны согласились в отношении общего запрета угрозы силой или ее применения в их международных отношениях с двумя исключениями из правил: самооборона и действия принудительного характера со стороны СБ, что дает возможность определять любое применение силы в качестве деликта, санкции или самообороны. По сравнению с международными инструментами, которые были приняты ранее, Статья 2 (4) показывает реальный прогресс, так как уже отсутствует понятие «война» и говорится исключительно об угрозе силой или ее применении. Концепция «применение силы» делает невозможным само применение силы, с одной стороны, и в тоже время отрицание *animus belli gerendi*, с другой.

Статья 2 (4) не только запрещает фактическое применение силы, но также угрозу силой. Следовательно, запрещено оказывать давление на государство посредством угрозы применения вооруженной силы.

Статью 2 (4) следует рассматривать в неразрывной связи с некоторыми другими положениями Устава. К примеру, Статья 2 (6) устанавливает, что государства, которые не являются ее членами, действуют в соответствии с этими принципами, так как это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности.

Принцип Статьи 2 (4) сегодня рассматривается как часть международного обычного права и соответственно является общеобязательным для всех государств.

Устав ООН предусматривает два исключения в этом отношении: право на самооборону в соответствии со Статьей 51 и действия принудительного характера в соответствии с Главой VII Устава. Положения Статьи 107, действия в отношении бывших вражеских государств, уже считаются устаревшими.

Важно отметить то, что Статья 2(4), с одной стороны, и Статья 51, с другой стороны, не совсем согласуются друг с другом. «Угроза силой или ее применение» является более широким понятием чем «вооруженное нападение». По нашему мнению, без вооруженного нападения нельзя сослаться на использование права на самооборону.

Академический мир пытается гармонизировать эти Статьи двумя путями, подтверждая то, что Статья 2 (4) и Статья 51 совпадают и что самооборона допустима в случае любого применения силы. Следовательно, каждое нарушение Статьи 2 (4) дает право государству действовать в целях самообороны. В соответствии с первой позицией Статью 2 (4) следует толковать как охватывающее только применение силы в значительных масштабах, где последствия будут существенными, где самооборона приемлема против применения силы. Эта точка зрения не учитывает различные

формулировки Статьи 2 (4) и Статьи 51 и тот факт, что цель Статьи 2 (4) состоит в запрете применения силы.

Вторая позиция не рассматривает выражение «вооруженное нападение» слишком ограничительно и соответственно дает право на самооборону против любого применения силы, независимо от масштаба и последствий. Это может иметь место, так как государство, действуя в целях самообороны, связано принципом пропорциональности и его действия не должны выходить за рамки мер необходимости в целях остановки нападения.

В этой связи примечательно было бы остановиться на рассмотрении различных языковых версиях Статьи 51 Устава ООН что и предпринято автором в диссертационной работе.

Изучая доктринальные подходы в отношении толкования Статьи 51, мы встречаем очень примечательную теорию, так называемую теорию «черной дыры» (black hole theory) что подробно рассматривается в диссертации.

Статья 51 Устава ООН дает неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону, но при условии, если произойдет вооруженное нападение на государство-члена ООН, тем самым ставя перед нами следующий вопрос: определить, является ли «вооруженное нападение» обязательным условием для осуществления права на самооборону в рамках Устава ООН. Этот вопрос будет подробно рассмотрен в Главе 3 диссертации.

Глава 2, §2 «Понятие индивидуальной и коллективной самообороны» исследует употребление Статьей 51 Устава ООН термина индивидуальная или коллективная самооборона. Наличие вооруженного нападения оправдывает, согласно Статье 51 Устава ООН, обращение как к индивидуальной, так и коллективной самообороне, тем самым создавая тесную взаимозависимость этих двух институтов современного международного права.

В западной доктрине международного права, где сегодня уделяется большое внимание этому вопросу, существуют две точки зрения относительно содержания и значения права на коллективную самооборону, отличающиеся друг от друга прежде всего в части интерпретации вопроса о субъектах этого права.

Первое мнение, которого придерживается Д. Боуэт заключается в тезисе о принадлежности права на самооборону только тому государству, которое защищает свое собственное материальное право. Различие между индивидуальной и коллективной самообороной усматривается в том, что государства по-разному реализуют это право: либо индивидуально, либо во взаимодействии с другими государствами, то есть коллективно. Право на коллективную самооборону представляет собой в соответствии с этой позицией совместное осуществление индивидуального права на самооборону двумя или более государствами.

Изучение коллективной самообороны лишь в плане индивидуального права государства приводит к выводу об отличии этих мер от взаимодействия региональных систем коллективной безопасности, что в свою очередь позволяет утверждать, что последние не поставлены в условие предварительного совершения вооруженного нападения, и позволяет обойти стороной важнейшее требование Статьи 51. Кроме прочего, представители данной концепции, зачастую широко трактуя основания для

индивидуальной самообороны, автоматически расширяют и пределы осуществления коллективной самообороны. «Ссылки, совершаемые на «взаимозависимость безопасности» и «угрозы безопасности другого государства», - пишет К. Скубишевский, - рассматриваются как оправдывающие осуществление коллективной самообороны».

Представители другой точки зрения, исходящие из практики заключения договоров о взаимной помощи, в которой они видят выражение взглядов государств на содержание Статьи 51, считают, что субъектами права на коллективную самооборону являются государства, оказывающие помощь жертве вооруженного нападения. В своих трудах такие видные специалисты по международному праву, как Дж. Кунц, Г. Кельзен, Я. Браунли, К. Скубишевский возражают против применения выражения «самооборона» как не совсем удачного термина, так как правомочие, в нем заключаемое, идет значительно дальше, чем применение на коллективной основе индивидуальной самообороны. Тем самым они считают, что такие термины, как «коллективная оборона» или «оборона другого государства» лучше передают смысл того, что подразумевается под коллективной самообороной в соответствии со Статьей 51.

В советской литературе широкое признание получила та позиция, что под правом на коллективную оборону Устав ООН подразумевает военную помощь другому государству, право государства, не подвергшегося вооруженному нападению, оказать вооруженную помощь государству, которое подверглось такому нападению, помощь, которую одно государство оказывает другому государству в случае вооруженного нападения.

Глава 2, §3 «Право на самооборону и Совет Безопасности ООН» изучает взаимосвязь между правом на самооборону и СБ ООН.

В случае вооруженного нападения, в целях осуществления права на неотъемлемую самооборону существуют определенные требования, закрепленные в Статье 51 Устава ООН. Статья 51 Устава ООН гласит, что «... меры, принятые Членами Организации при осуществлении этого права на самооборону, должны быть немедленно сообщены Совет Безопасности и никоим образом не должны затрагивать полномочий и ответственности Совета Безопасности... в отношении предпринятия в любое время таких действий, какие он сочтет необходимыми для поддержания международного мира и безопасности».

Настоящее обязательство было рассмотрено Международным Судом ООН по делу Никарагуа против США. *In casu*, Соединенные Штаты утверждали, что их поддержка вооруженным силам «Контрас» и последующие действия, такие как нападение на нефтедобывающие компании Никарагуа, представляли собой законные меры по осуществлению права на самооборону, даже если такие действия не были ни разу сообщены СБ ООН на основании Устава ООН, но примечательно то, что Соединенные Штаты настаивали на том, что Международный Суд лишен возможности непосредственного применения положений Устава ООН, ссылаясь на оговорку Вандерберга.

По вышеуказанному делу Международный Суд решил, что обязательство по представлению сообщения (доклада) СБ рассматривает с точки зрения обычного

права и поднял вопрос в отношении «степени» исполнения такого обязательства, которое имеет императивную или «директивную» природу (directive nature) в соответствии со Статьей 51 Устава ООН.

В этой связи известны две точки зрения. Первая точка зрения гласит о том, что представление сообщения СБ рассматривается как обязательное составляющее порядка использования права на самооборону, отсутствие чего может быть квалифицировано как сигнал того, что государство не действует по смыслу Статьи 51 Устава ООН, то есть не использовало право на самооборону должным образом. Вторая позиция говорит совершенно о противоположном, а именно о том, что не имеет значения, представило ли государство сообщение СБ об использовании своего права на самооборону или нет, нельзя утверждать, что это нарушение установленного порядка использования права на самооборону.

В Главе 2, §4 «Требования необходимости и пропорциональности» утверждается, что в целях квалификации самообороны в качестве правомерных действий сторона, которая ссылается на свое право на самооборону и использует такое право, должна соблюдать два основных условия, обычная природа которых подтверждена Международным Судом ООН. Это так называемые условия (критерии, принципы) необходимости (necessity) и пропорциональности (proportionality). Необходимость наличия этих двух принципов при использовании права на самооборону было подтверждено еще в ходе обмена дипломатическими нотами по знаменитому делу «Каролины», хотя некоторые видные юристы-международники, такие как Й. Гардам, полагают, что задолго до XIX века принцип необходимости и принцип пропорциональности уже составляли неотъемлемую часть теории справедливой войны. В любом случае, как справедливо утверждает Я. Броунли, независимо от прецедентного значения инцидента, нельзя отрицать то, что два взаимосвязанных принципа (стандарта) сформировали неотъемлемую часть концепции самообороны.

В обычной практике и в международно-правовой доктрине общепринято, что требования необходимости и пропорциональности, по сути, означают, что действия должны быть направлены исключительно на прекращение или отражение вооруженного нападения. В противном случае, предпринятые действия могут включать в себя карательные или ответные меры и будут квалифицированы как репрессалии, а не как самооборона. В мирное время репрессалии, которые влекут за собой использование вооруженной силы, считаются неправомерными, что в свое время подтвердили и Международный Суд, и ГА, и СБ, а во время войны репрессалии как таковые не запрещены, но тем не менее подвергаются многочисленным жестким ограничениям на основании Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним.

В доктрине международного права встречается позиция, исходящая из того, что составной частью принципа необходимости является «незамедлительность» (immediacy), что должно иметь место при осуществлении права на самооборону. Примечательным является и то, что некоторые видные специалисты по международному праву, такие как А. Константину, Й. Динштайн, Т. Гаццини и др. заявляют, что «незамедлительность» является таким же обособленным требованием

права на самооборону, как и требования необходимости и пропорциональности. Действительно, принято считать, что для квалификации самообороны как правомерного действия необходимо, чтобы данное право использовалось сразу как только имело место вооруженное нападение и как ответная мера в порядке самообороны. Опять же следует понимать, что условие незамедлительности представляет собой достаточно неопределенный критерий, так как достаточно трудно зафиксировать временные рамки, когда имело место вооруженное нападение и когда можно воспользоваться своим правом на самооборону. Таким образом, незамедлительность является важнейшим фактором для отличия правомерной самообороны от неправомерной вооруженной репрессалии и делает ясным то, что военные действия не могут быть возобновлены позже без возникновения нового *casus foederis*.

В целом диссертант пришел к заключению, что требование необходимости представляет собой целесообразность в каждом конкретном случае использования вооруженной силы, необходимой для защиты жизненных интересов государства, восстановления его безопасности и отражения вооруженного нападения в том случае, когда нет или не осталось никаких других иных вариантов пресечения неминуемого вооруженного нападения.

Под требованием пропорциональности следует понимать оценку того, насколько ответные вооруженные действия соответствуют цели самообороны, то есть прекращению вооруженного нападения и восстановлению безопасности.

Следовательно, для признания самообороны правомерной в целом следует учитывать требования необходимости и пропорциональности, что является действительно двумя сторонами одной медали, которые связаны общей целью.

В Главе 3 «Вооруженное нападение и право на самооборону» утверждается, что реализация государством права на самооборону поставлена Статьей 51 Устава ООН под условие предварительного совершения против него вооруженного нападения. Вместе с тем сам Устав ООН не раскрывает содержания этого понятия, не дает перечня тех действий, осуществление которых создает основание для самообороны. Несмотря на это, Статья 51 Устава ООН, толкуемая совместно с п. 4 Статьи 2, позволяет вывести ряд условий, которым должны отвечать действия, квалифицируемые в качестве вооруженного нападения. Основной целью Главы 3 является освещение вышеуказанных и некоторых иных взаимосвязанных вопросов в рамках исследуемой темы.

В Главе 3, §1 «Определение и толкование вооруженного нападения. Основание для самообороны: различные концепции» исследуется основная проблема при толковании и применении Статьи 51 Устава ООН, а именно выражение «...если произойдет вооруженное нападение...». Сегодня идут жаркие дебаты, относительно того, является ли «вооруженное нападение» обязательным условием для применения права на самооборону. Этот вопрос является достаточно узким и его следует различать от вопроса правомерности упреждающей и превентивной самообороны. Некоторые юристы-международники основывают свои аргументы в защиту такого вида самообороны, при условии отсутствия факта «вооруженного нападения», хотя в доктрине международного права звучит много позиций

сторонников того, что именно нарушение условия наличия вооруженного нападения отрицает возможность правомерного применения упреждающей или превентивной самообороны.

Несомненно, большинство специалистов утверждают, что требование наличия вооруженного нападения является обязательным условием для применения права на самооборону. Противоположного мнения придерживается меньшинство исследователей, ссылаясь на так называемую теорию «черных дыр» и на некоторые иные доводы.

Жаркий спор разгорается с утверждения, что если даже Статья 51 признает право на индивидуальную или коллективную самооборону, «если произойдет вооруженное нападение», то это не означает, что «самооборона является действительной **только** (выделено автором - Т.Г.) в отношении вооруженного нападения». Суть этой позиции заключается в том, что ошибочно утверждать, что есть только одно условие для правомерного использования права на самооборону и иные условия исключены, и это далеко не означает что наличие иных оснований не «оправдывает» использования права на самооборону. С. Швебель утверждает, что если бы разработчики Устава ООН хотели определить в качестве единственного основания для применения права на самооборону вооруженное нападение, то они написали бы в Уставе ООН следующее выражение: «... если и только если произойдет вооруженное нападение», тем самым расширяя правомерные основания для применения права на самооборону. По его мнению, слово «если» не указывает на необходимое условие, это всего лишь **достаточное** (выделено автором - Т.Г.) условие для законного осуществления права на самооборону.

Еще одна позиция в отношении формулировки Статьи 51 гласит, что «ни Статья 51, ни какое-либо иное словообразование не могут иметь, помимо самого «контекста», какое-либо одно ясное, и недвусмысленное или популярное, обычное и естественное значение, что предопределило бы решение различных споров». Конечно, это является веским аргументом, но аргументом, который является не убедительным и не доказывающим свою правоту в рамках международно-правовой науки. Следует понимать, что в отличие от норм обычного международного права, где может иметь место определенное толкование в отношении определенного случая, Статью 51 следует толковать особенно осторожно, в смысле и в духе того, что государства ранее определили при создании настоящей статьи, и отрицание истинного значения выражения «если произойдет вооруженное нападение» как логического основания для обращения к праву на неотъемлемую самооборону является как минимум недобросовестным толкованием Статьи 51.

Существует большая разница в интерпретации того, что именно считается «вооруженным нападением» в соответствии со Статьей 51. Эти два слова были справедливо названы «ключевым понятием концепции самообороны».

Для того, чтобы избежать путаницы во время изучения права на самооборону, предполагается, что правильное понимание термина «вооруженное нападение» требует знания конкретных *modus operandi* нападающей стороны, то есть природы (характера) совершенных действий. Для того, чтобы понять, что такое вооруженное нападение, не нужно знать, кто совершил нападение или против кого или что было

совершено. Здесь речь идет о том, что нужно сначала выяснить, что является *ratione materie* вооруженного нападения.

Возникает вопрос, что же является сущностью или типичным характерным признаком или признаками вооруженного нападения? Считаем, что два элемента могут быть обособлены. Во-первых, это использование военных или полувоенных средств [следовательно, вооруженных. – Добавлено авт. – Г.Т.] и, во-вторых, нарушение государственных границ, пересечение границ, то есть нарушение территориальной целостности. Иначе говоря, если каждое действие является вооруженным нападением, то это классическая форма агрессии, вторжения. По этому вопросу в свое время Международный Суд по Никарагуа заявил: «В частности, следует согласиться с тем, что вооруженное нападение включает в себя не только действия регулярных вооруженных сил через международную территориальную границу...».

Однако на сегодняшний день не существует какого-либо одного авторитетного или общепризнанного определения «вооруженного нападения», содержание чего было бы зафиксировано в общеобязательном международном документе. Так как настоящий термин не был рассмотрен в свое время в Сан-Франциско, то представляется невозможным найти в Уставе ООН какого-либо письменного пояснения, кроме того, что содержит Статья 51. Тем не менее специалисты по международному праву, в отличие от позиций при толковании «вооруженного нападения», имеют очень схожие взгляды при толковании «угроза силой или ее применения» в смысле Статьи 2 (4), с одной стороны, и «агрессия» в смысле Статьи 39, с другой. В дополнение, как было указано ранее, французская и испанская версии Статьи 51 употребляют вместо «вооруженное нападение» выражение «*aggression armée*» и «*attaque armée*» соответственно, хотя сегодня в доктрине международного права мы все чаще встречаемся с тем, что эти выражения являются эквивалентными друг другу.

Определение «агрессии» было дано Резолюцией 3314 (XXIX) ГА ООН от 14 декабря 1974 года, хотя не является общеобязательным определением термина, так как ГА ООН не имеет права принимать общеобязательные Резолюции в соответствии с Уставом ООН. Тем не менее, к примеру, А. Рандельсхофер полагает, что Статья 3 Резолюции, а именно перечень примеров «акта агрессии» на самом деле дает некоторые полезные указания в отношении того, как именно следует толковать и квалифицировать этот термин, а также термин «вооруженное нападение» в смысле Статьи 51 Устава ООН, и утверждает, что все акты агрессии, указанные в настоящей статье, являются вооруженным нападением.

Во-первых, нет доказательств того, что эти два термина близки или равны в нормативном содержании. Во-вторых, даже если они были бы похожи, то просматривая *travaux préparatoires* по Определению Агрессии, становится ясно, что определение «вооруженное нападение» и «агрессия» не одно и то же. В-третьих, можно утверждать, что не все «акты агрессии», указанные в Определении, обязательно следует квалифицировать как вооруженное нападение. Тем более в доктрине международного права ясно просматривается позиция, что «вооруженное нападение» является гораздо более узким и менее «гибким» термином, чем термин «агрессия».

Сегодня существует позиция, в соответствии с которой следует давать более широкое толкование термину агрессия, так как возникают новые серьезные опасности, от которых государства должны иметь возможность защищаться, и поэтому предполагается, что для собственной защиты против такой агрессии уже разрешено использовать силовой метод. После событий 11 сентября 2001 года много внимания уделялось вопросу терроризма и некоторые юристы-международники стали заявлять, что терроризм представляет собой определенные действия, которые подпадают под определение «вооруженное нападение». Преамбула Резолюции 1368 от 12 сентября 2001 года, принятая СБ ООН, осуждает совершенные нападения и признает право на индивидуальную и коллективную самооборону, тем самым утверждается, что СБ ООН в настоящее время считает, что террористические акты могут составить вооруженное нападение.

Существует очень мало юридически обязательных указаний для нас, чтобы принимать решения по квалификации определенных действий в качестве вооруженного нападения. Некоторые квалификации могут даже толковаться как нечеловеческие попытки *ex post facto* обоснования внешней политики государства. Тем не менее у нас есть, конечно не строгие, но определенные рамки действий, которые могут подпадать под понятие вооруженное нападение.

Далее в настоящем параграфе рассматривается временной вопрос вооруженного нападения, а именно, когда же возникает так называемое вооруженное нападение.

Вопрос правомерности, так называемой в западной доктрине «упреждающей» «превентивной» или «перехватывающей» самообороны, представляет собой одно из самых спорных положений в международном праве, которое обсуждается на протяжении более чем пятидесяти лет.

На наш взгляд, с точки зрения русского языка, данные термины синонимичны. Упреждающий - опережающий, предупреждающий; в значении - поспевающий прежде, наперед других. Превентивный - предупреждающий, предохранительный, опережающий действия противной стороны. В английском языке термин «упреждающий» чаще всего переводится как «pre-emptive», а «превентивный» - «preventive» и обозначают разное: упреждение трактуется как ликвидация непосредственной или близкой угрозы, а превенция рассматривается как ликвидация угрозы, которая только формируется. Иногда для обозначения упреждающей самообороны либо значительно реже для обоих вышеуказанных видов применения силы используется термин «anticipatory self-defence», что создает некоторую путаницу в разграничении этих двух понятий и приводит к расширенному толкованию применения силы.

На государственном уровне концепция превентивной самообороны, в том виде, в котором применяется сегодня, была впервые закреплена в Стратегии национальной безопасности США 2002 г., предполагающей односторонние действия в качестве превентивной самообороны против потенциальной опасности, а именно в отношении террористов и поддерживающих их стран и провозглашающей право односторонних военных действий США по всему миру. В Стратегии национальной безопасности 2002 г. закрепляется принцип превентивного удара в отношении террористов и

поддерживающих их стран, а также провозглашается возможность односторонних военных действий США по всему миру.

В настоящее время можно выделить три основных подхода относительно оснований и толкования самообороны.

Первый подход - это узкое толкование самообороны. Основанием для самообороны является исключительно вооруженное нападение. Сторонниками такого подхода являются как зарубежные известные юристы-международники: Я. Броунли, А. Кассезе, А. Рандельсхофер, Г. Кельзен и др., так и большинство российских ученых: Д. О. Медведева, Л. А. Скотников, В. С. Котляр и др. По их мнению, Устав ООН, запретив применение силы в международных отношениях, разрешил государствам одностороннее применение вооруженной силы только с целью самообороны против совершившегося вооруженного нападения, утверждая, что к упреждающей самообороне невозможно применить принципы пропорциональности и соразмерности.

Второй подход, - это расширенное толкование права на самооборону. Основанием для самообороны признается неминуемая угроза вооруженного нападения. Представители данной концепции выступают за правомерность упреждающей самообороны, признавая при этом концепцию превентивной самообороны противоправной. Сторонниками более широкого толкования являются такие западные ученые, как Д. Боуэт, Т. Маккормак, С. Швебель и др., а также известные российские авторы: М. Л. Мышляева, Э. И. Скакунов, О. Н. Хлестов.

Третья позиция состоит в том, что основанием для самообороны являются отдаленные, только формирующиеся угрозы - концепция превентивной самообороны. Приверженцами данной концепции являются многие представители англо-саксонской правовой школы, а также такие российские ученые, как С. Д. Гольцов, Ю. Н. Малеев и др.

В дополнение, целесообразно выделить некоторых юристов-международников, придерживающихся узкой концепции, но в то же время согласных с предоставлением в некоторых исключительных случаях права на опережающие действия. Так, Л. Хенкин предусматривает исключение для случаев, связанных с применением ядерного оружия. Ю. С. Горбунов является сторонником упреждающей самообороны в отношении террористических организаций (групп) на территории иностранного государства, когда государство, на территории которого действуют такие организации (группы), не может или не желает пресечь их деятельность. Интересной концепции так называемой перехватывающей самообороны (*interceptive self-defence*), придерживаются А. С. Орбелян, И. Динштейн. Их концепция основана на попытках решить проблему через толкование момента начала вооруженного нападения.

Суммируя вышеуказанное, считаем необходимым подчеркнуть, что в соответствии со Статьями 39 и 50 Устава ООН превентивные и/или принудительные меры могут применяться в ответ на любую угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии, но только на основании решения СБ ООН. Устав ООН не содержит понятия «упреждение». Государства, осуществляющие упреждающие и (или) превентивные меры, чаще всего ссылаются на Статью 51 Устава ООН, однако настоящая Статья не включает и не исключает превентивные меры, хотя само право на самооборону имеет

установленные определенные правовые рамки.

Более того, Доклад Группы высокого уровня, признавая ограниченный характер права на самооборону, утверждает, что «...государство, являющееся объектом угрозы, в соответствии с давно установившейся нормой международного права может предпринять военные действия, если угроза нападения является непосредственной, никакие другие средства не позволяют устранить ее, а действия соразмерны угрозе. Проблема возникает в ситуации, когда угроза не носит непосредственного характера, но все же по утверждениям является реальной: например приобретение, предположительно с враждебным намерением, потенциала для производства ядерного оружия».

По нашему глубочайшему убеждению, все попытки легитимизации упреждающих действий не правомерны, так как к ним не представляется возможным применить как минимум принцип пропорциональности. Более того, превентивные меры должны являться исключительной компетенцией СБ ООН, а государство, являющееся объектом непосредственной угрозы, в соответствии с установившейся нормой международного права может предпринять упреждающие вооруженные действия только с санкции СБ ООН в случае, если никакие другие средства не позволяют устранить данную угрозу, с условием соблюдения всех принципов применения права на самооборону.

В Главе 3, §2 «Самооборона против негосударственных акторов» диссертант попытался раскрыть вопрос легитимности оправдания обращения к праву на самооборону против отдельного лица или группы лиц, а именно против так называемых негосударственных акторов.

Возникает вопрос, действия каких лиц могут быть квалифицированы как «вооруженное нападение» на основании Статьи 51 (*ratione personae*)? Поиск ответа на данный вопрос следует начать в два этапа. Во-первых, следует выяснить, только ли государство может совершить вооруженное нападение или нет. Во-вторых, предположим, что на первый вопрос мы ответим утвердительно, то возникает следующий вопрос, какую связь лица (негосударственные акторы) должны иметь с определенным государством, чтобы квалифицировать действия таких лиц как вооруженное нападение.

Ответив на вышеуказанные и иные вопросы, диссертант пришел к заключению, что концепция самообороны против негосударственных акторов, в частности, против террористических групп является несостоятельной, так как противоречит природе самообороны, что, однако, не означает, что у государств нет правомерной возможности защитить себя от таких нападений (в частности, возможность обращения в СБ ООН, укрепление собственной обороноспособности и т.д.).

Если негосударственный актор обращается к вооруженной силе в отношении государства под непосредственным руководством или по инструкции определенного государства, то в таких случаях, с учетом всех требований, государство, которое непосредственно руководствует или играет каким-либо иным образом существенную роль в действиях негосударственного актора, может само стать объектом действий в целях самообороны со стороны «потерпевшего» государства.

В Главе 3, §3 «Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН в отношении

определения «вооруженного нападения» утверждается, что Устав ООН в части положения о применении силы не отвечает требованиям новых международных вызовов и угроз. Конечно, преждевременно констатировать «смерть» Устава ООН в части вопроса применения силы, тем не менее уменьшилась «определенность» в Статье 51 Устава ООН, исходя из усложнения, многогранности международных отношений и специфики угроз, вызовов и конфликтов в XXI веке. Считаем, что настало время, когда государства-члены ООН должны прийти к консенсусу, по вопросу применения силы в рамках Устава ООН, что даст возможность более эффективно и однозначно определить и квалифицировать законность применения силы, что в свою очередь, приведет к возможности осуждения незаконных действий актора в том или ином конкретном случае.

Что касается права на самооборону, мы уже выяснили, что многие аспекты Статьи 51 уже давно породили фундаментальные разногласия среди специалистов. Это особенно четко выражено относительно доктрины упреждающей, превентивной и перехватывающей самообороны, а также законности самообороны в ответ на вооруженное нападение со стороны негосударственных акторов. В свете растущей угрозы, исходящей от негосударственных вооруженных групп и роста числа ядерных государств, эти споры уже не ограничиваются дебатами в академических кругах, но все чаще переходят в публичные дебаты, порождая новые «доктрины безопасности», что кардинально меняет практику государств. Вследствие правовой коллизии и неспособности и/или отсутствия компетенции Международного Суда, мы считаем, что государства сами должны предпринять максимальное усилие в целях уточнения содержания Статьи 51 Устава ООН, тем самым разрубить Гордиев узел. По аналогии Резолюции 3314 (XXIX) ГА ООН в отношении «Определения агрессии», считаем, что существует явная необходимость разработки Резолюции ГА ООН в отношении «Определения вооруженного нападения», которая в свою очередь предоставит официальное толкование Статьи 51 Устава ООН.

Независимо от современного места и значения Резолюции 3314 (XXIX) ГА ООН, представляется, что государства должны осознать и вернуть свое первоначальное стремление к полноценному определению вооруженного нападения, возможно, в форме Резолюции ГА ООН. В случае успеха этот предложенный Проект может привести к консенсусу государств, предусматривающему авторитетное руководство по толкованию и применению Статьи 51 Устава ООН.

Работу по определению вооруженного нападения необязательно начинать с нуля. Ранее принятые Резолюции ГА ООН, в частности Резолюция 3314 (XXIX), несомненно, являются полезным руководством для начала процесса. Кроме того, Институт международного права во время своей сессии в Сантьяго 27 октября 2007 года принял Резолюцию о самообороне. Эти десять пунктов Резолюции являются хорошей отправной точкой для разработки новой Резолюции ГА ООН.

Принимая во внимание очевидный факт неуклонного увеличения количества новых внешних угроз и вызовов, в частности, огромный размах действий негосударственных акторов, принимая во внимание Статью 2(4), Статью 51 Устава ООН, Резолюцию 3314 (XXIX) ГА ООН, Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между

государствами в соответствии с Уставом ООН, практику Международного Суда, Резолюцию Института международного права, учитывая различные выводы, изложенные в настоящем исследовании, в том числе и предложения Т. Руиса в отношении его видения по определению вооруженного нападения, представляем для рассмотрения проект Резолюции ГА ООН в отношении Определения вооруженного нападения. Настоящий проект Резолюции не является бесспорным и идеальным вариантом для целей настоящего проекта, но тем не менее может быть рассмотрен в качестве отправной точки для начала обсуждения положений проекта Резолюции.

В Главе 3, §4 «Право на самооборону и де-факто государства» утверждается, что сегодня имеет место тенденция, когда специалисты в области международного права распространяют принцип запрета на угрозу силой или ее применения, а также неотъемлемое право на индивидуальную и коллективную самооборону как на де-юре признанные государства-члены ООН, так и на государства, являющиеся таковыми де-факто. Именно в этом ключе следует интерпретировать первый принцип Резолюции ГА ООН о дружеских отношениях, который гласит, что каждое государство обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения таких международных демаркационных линий, как линия соприкосновения вооруженных сил, установленная или соответствующая международному соглашению, стороной которого оно является или в силу каких-либо причин обязано уважать.

Согласно интерпретации Дж. Фроуайна, это положение относится и к нынешним границам де-факто режимов. В случае с постсоветскими самоопределившимися государствами все эти линии были установлены соглашениями о прекращении огня. Данные соглашения заключались между метрополиями и де-факто государствами, они не имеют временного срока действия и ни одна сторона не вправе денонсировать их. Например, в случае с Нагорно-Карабахской Республикой, заключив в мае 1994 года соглашение о прекращении огня, Азербайджан признал необходимость участия Нагорно-Карабахской Республики в подписании данного соглашения. Последующее исключение Нагорно-Карабахской Республики из числа участников переговорного процесса создало беспрецедентно абсурдную ситуацию, когда одна из сторон признает «военную правосубъектность» стороны, но в то же время не ведет с ним переговоры, не признавая его юридическую и «политическую правосубъектность» в послевоенный период.

Основной аргумент сторонников применения силы в конфликтах вокруг непризнанных государств состоит в том, что непризнанные государства не являются самостоятельными субъектами международного права, так как они не признаны международным сообществом. Однако в международном праве нет определенности в вопросе признания новых государств, и настоящий вопрос является дискуссионным и по сей день.

Уязвимость данного подхода заключается в том, что, во-первых, не вполне ясно, какое именно количество признаний необходимо для придания субъекту статуса международно-признанного. Во-вторых, государства могут существовать и без официального признания. Здесь показателен пример признанного одной Турцией Северного Кипра, последовательно развивающего экономическое сотрудничество с Азербайджаном, или же похожий пример с Абхазией и Южной Осетией.

Споры о том, являются ли Северный Кипр, Тайвань, Абхазия, Южная Осетия, Косово как частично признанные государства, а также де-факто государства государствами де-юре, могут вестись юристами-международниками до бесконечности, но недвусмысленное существование де-факто государств - это реалии XXI века, что не может быть оспорено.

В подтверждение вышеизложенного можно привести пример того, что многие де-факто государства, несмотря на определенную экономическую, а порой и вооруженную блокаду, демонстрируют устойчивую динамику в развитии государственных институтов, экономики, гражданского общества. Например, 19 июля 2012 года в Нагорно-Карабахской Республики состоялись очередные выборы президента, причем в Центральной избирательной комиссии Нагорно-Карабахской Республики были зарегистрированы четыре кандидата. Примечательным является и то, что непризнанное государство, в настоящем случае Нагорно-Карабахская Республика, является полноправным участником Соглашения о прекращении огня и получило де-факто признание во многих других сферах своей деятельности (поддержание режима прекращения огня, гуманитарные контакты, экономическое сотрудничество и т.д.).

Что касается обращения к принципу неприменения силы - на примере Нагорно-Карабахского конфликта - в отношениях между бывшей метрополией и де-факто государством, нормы международного права в настоящем случае прописаны достаточно ясно. Согласно Статье 2 (4) Устава ООН «Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций». Что касается неотъемлемого права на самооборону у де-факто государств, то Статья 51 Устава ООН гласит, что «настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права [выделено автором. – Т.Г.] на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности».

Таким образом, принцип запрета на угрозу силой или ее применения, а также право на самооборону могут и должны касаться всех де-факто государств. Однако практика показывает, что недостаточно просто провозгласить тот или иной принцип - необходимо еще сделать так, чтобы он работал. В случае вооруженного нападения Статьей 51 Устава ООН и процедурой, установленной в Главе VII Устава ООН, предусмотрено неотъемлемое право на самооборону. В случае вооруженного нападения государство, подвергшееся «агрессии», вправе применить силу в целях законной самообороны. Формулировка «неотъемлемое право» указывает на то, что право на самооборону является нормой обычного права и, таким образом, применяется ко всем государствам. Тем более со стороны де-факто государства было бы элементарным нарушением прав своих граждан, если оно не защитило своих граждан от внешнего агрессора, ссылаясь на то, что оно не признано частью или большинством государств-членов ООН.

В то же время мы глубоко убеждены, что не только де-факто государство имеет право на неотъемлемую самооборону и несет обязанность защищать своих граждан, но и СБ ООН обязан принимать необходимые меры, скажем, в случае незаконного применения силы в отношении де-факто государства, так как СБ ООН несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности в соответствии с Уставом ООН. СБ ООН обязан гарантировать соблюдение основополагающих прав человека, в том числе на территории де-факто государств, а именно права на жизнь.

На основании всего вышеизложенного, мы считаем, что де-факто (непризнанное) государство имеет совершенно те же права и обязанности в вопросе соблюдения международной безопасности и права на самооборону, что и все остальные признанные государства. В связи с чем мы уверены, что соответствующее решение ООН по этому вопросу могло бы стать существенной гарантией невозобновления вооруженных действий на подобных территориях, где имеет место конфликт интересов с обращением к вооруженной силе.

Глава 3, §5 «Концепция самообороны в отношении кибератак» гласит, что в научных кругах термин «кибератака» используется для описания различных действий (актов), происходящих в киберпространстве. Часто целью таких актов является причинение вреда государству или государственным органом посредством уничтожения определенной стратегической информации или выведения из строя компьютерных систем, отвечающих за обороноспособность государства.

В связи с резким ростом кибератак в XXI веке и серьезностью их последствий большинство государств разрабатывают механизмы предотвращения, «смягчения» и/или реагирования на такие атаки. Механизмы различны, начиная от создания конвенционных норм, регулирующих эту отрасль, до создания оперативных групп реагирования на такие атаки в рамках государства или военных союзов.

В этой связи в 2011 г. Президент США Барак Обама заявил, что «все государства обладают неотъемлемым правом на самооборону, и мы признаем, что некоторые враждебные акты, осуществляемые через киберпространство, могут заставить нас действовать в рамках обязательств, которые мы имеем с нашими партнерами в сфере военного сотрудничества».

В этой связи военная доктрина США ввела в оборот понятие «Компьютерные Сетевые Операции» (Computer Networks Operations). «Сетевые атаки» (Computer Network Attacks) были определены как операции, целью которых являются выведение из строя, уничтожение, повреждение информации, находящейся в компьютерах, компьютерных сетях, или же уничтожение компьютеров или сетей как таковых. «Сетевая защита» (Computer Network Defences) была определена как комплекс оборонительных мер для охраны и защиты информации компьютеров и сетей от подрыва, разрушения и уничтожения. «Сетевая разработка» (Computer Network Exploitation) подразумевает сбор и мониторинг информации предполагаемого противника.

Сегодня представляется достаточно сложным говорить, с одной стороны, о соотношении кибератак и запрета на применение силы или угрозу силой, а с другой стороны, о самообороне в контексте международного права. Проблема состоит в том,

что нет еще международных судебных или арбитражных прецедентов в этой отрасли, а также нет конкретных источников международного права регулирующих отношения субъектов кибератак. В связи с этим, мы постарались осуществить некий анализ правомерности обращения к самообороне в отношении кибератак в контексте классического понимания вооруженного нападения и классического использования самообороны.

Несомненно, если кибератаку можно было бы приравнять к «вооруженной силе», то любое дальнейшее обсуждение в настоящем контексте было бы излишне, так как статья 51 Устава ООН рассматривает «вооруженное нападение» как основание для применения права на самооборону.

В академических кругах есть различные позиция относительно того, является ли кибератака вооруженным нападением по смыслу статьи 2 (4) Устава ООН или же нет.

Первая школа гласит о том, что хотя кибератака и не является классическим проявлением вооруженной силы, тем не менее она регулируется и позволена *jus ad bellum*, даже если запрещена иными положениями международного права.

Вторая школа исходит из того, что следует применять правовой режим классического понимания «вооруженной силы» к кибератакам, игнорируя «средства» и фокусирую себя исключительно на масштабе ущерба и разрушений после такой атаки. Приверженцы этой школы исходят из того, что неважно, разрушен ли объект посредством авиаудара или вирусной программы.

Предполагается, что нефизическое разрушительное воздействие, например разрушение финансовых рынков, следует рассматривать в рамках статьи 2 (4), если такое разрушительное воздействие является достаточно серьезным, чтобы угрожать территориальной целостности и безопасности государства.

Третья школа, получившая широкое распространение на западе, называется школа Шмитта (критерии Шмитта в отношении определения кибератак в качестве «вооруженной силы»), которую разработал и учредил Майкл Шмитт. Первый критерий – «тяжесть» (severity) акта: должна быть высокая угроза физического вреда или материального ущерба. Второй критерий – «необходимость в незамедлительности/безотлагательности» (immediacy). Третий критерий – «непосредственность» (directness): должна быть прямая связь между «вооруженной силой» и возможными негативными последствиями. Четвертый критерий – «инвазивность» (invasiveness): наличие факта, что в случае применения вооруженной силы действия, причинившие вред, были осуществлены после пересечения государственной территории государства-жертвы. Пятый критерий – «измеримость» (measurability): необходимость оценки последствий вооруженной силы по сравнению с другими формами принуждения. Шестой критерий – «предполагаемая незаконность» (presumptive illegitimacy): «насилие» является предположительно незаконным в соответствии с внутренним и международным правом.

Насколько бы спорной не была позиция М. Шмитта, интересным является то, что на практике Пентагон уже принимает вышеуказанные критерии в целях определения, имело ли место использование «силы» посредством кибератаки.

Данный факт доказывает, что практика обращения США к новым доктринам (критериям) в международном праве создает, не в первый уже раз, как они

утверждают, «immanent law» или «immanent custom», что в дальнейшем не мешает им сослаться на концепцию «immanent» в целях оправдания своих действий.

Анализируя критерии, предлагаемые Шмиттом, в целях определения кибератаки в качестве «вооруженного нападения», мы можем себе позволить согласиться лишь с критерием тяжести и последствиями, что было замечено еще по делу Никарагуа. Например, критерий необходимости пересечения государственных границ представляется нам не всегда применимым, так как пересечение территорий и границ в большинстве случаев играет незначительную роль в кибератаке.

Более того, определение кибератаки в качестве «вооруженного нападения» посредством критериев Шмитта - это не конец вопроса, а всего лишь начало. Такие атаки должны быть осуществлены государством или от имени государства, что является необходимым условием (*ratione personae*).

В продолжение следует указать, что во время кибератак представляется очень сложным применение *ratione temporis* в отношении критериев Шмитта. Здесь возникает большая путаница и неоднозначность в вопросе правомерной самообороны. Возникает вопрос, когда же государство имеет право на самооборону в таком случае? На этот вопрос западная доктрина отвечает существованием, по их мнению, «перехватывающей» самообороны, что позволяет обойти этот вопрос. В этой связи наша позиция состоит в том, что любой вид упреждающей, перехватывающей самообороны представляется на сегодняшний день в рамках действующего международного права и практики Международного Суда нелегитимным, что было подробно освещено ранее.

Как было упомянуто ранее, есть два важных ограничения для обращения к самообороне - это критерий необходимости и пропорциональности. Эти критерии были подтверждены в деле Никарагуа, когда Международный Суд признал, что неотъемлемое право на самооборону есть часть международного обычного права. Суд признал эти два критерия как дополнительные требования к статье 51 Устава ООН.

Если вопрос с требованием «необходимости» можно в некоторых случаях обосновать, то второй критерий – «пропорциональность» представляется практически нереальным для обоснования.

Пропорциональность предполагает, что использование самообороны будет сопоставляться с началом вооруженного нападения, не только в плане тяжести, интенсивности, но и с точки зрения продолжительности, местоположения и целей.

По нашему мнению, здесь кроется реальная проблема для правомерной квалификации самообороны в отношении кибератак.

Несомненно, угроза кибератаки существует в сегодняшнем мире и порой она представляет большую опасность, нежели классический вид боевого оружия. Тем не менее кибератака есть нечто неопределенное, неосязаемое, сложно доказуемое, последствия и ущерб которой порой трудно оценить. Последствия кибератаки могут быть как прямыми, так и косвенными, а в некоторых случаях косвенные последствия могут быть выше, чем прямые последствия.

В результате очень трудно отвечать требованию пропорциональности в случае возможной кибератаки во время обращения к правомерной самообороне. Решением настоящей проблемы могут стать разъяснения и толкования ГА ООН и

Международного Суда ООН в части кибератак. Во-первых, является ли кибератака незаконным применением «вооруженной силы» по смыслу Устава ООН? Во-вторых, если это «вооруженная сила», то как следует государствам относиться к Статье 51 Устава ООН? Применимы ли все те же критерии для квалификации самообороны в качестве правомерных действий или что-то должно быть изменено или дополнено в связи с тем, что природа кибератаки очень сильно отличается от классического понимания и практики применения вооруженной силы и самообороны как ответной реакции.

Резюмируя все вышесказанное в контексте существующего международного права и классического понимания «вооруженного нападения» и «самообороны», обращение к самообороне в контексте Статьи 51 Устава ООН в отношении кибератак является неправомерным, так как кибератака это ни есть «вооруженное нападение» - единственное основание для самообороны по смыслу Устава ООН и практики Международного Суда ООН. Более того, представляется практически невозможным отвечать требованию «пропорциональности» в случае возможной кибератаки и обращения к правомерной самообороне.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, излагаются предложения по вопросам, составляющим предмет диссертации.

В **Приложение I «Определение вооруженного нападения»** предлагается проект Резолюции ГА ООН в отношении определения вооруженного нападения.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях автора:

- Туманов Г. К. «Особенности развития теории «справедливой войны» в международном праве». Публичное управление. Научный журнал. Академия государственного управления Республики Армения // Март, 2012, стр. 84-91.

- Туманов Г. К. «Требования необходимости и пропорциональности при реализации права на самооборону в рамках международного права». ՀՀ արդարադատության նախարարության իրավաբանական ինստիտուտ, ՊՈԱԿ, «Արդարադատություն» // 2012, Март 1(16), стр. 45-50.

- Туманов Г. К. «Обеспечение гарантий безопасности Нагорно-Карабахской Республики как обязательное условие урегулирования конфликта». Публичное управление. Научный журнал. Академия государственного управления Республики Армения // Апрель, 2012, стр. 129-136.

- Туманов Г. К. «Правомерность обращения к праву на самооборону в отношении негосударственных акторов в рамках международного права». Журнал «Право и безопасность» (РФ) // Номер 2 (42), Июль 2012, стр. 53-59.

ԱՄՓՈՓԱԳԻՐ
ՏՈՒՄԱՆՈՎ ԳԵՎՈՐԳ ԿՈՆՍՏԱՆՏԻՆԻ
ԻՆՔՆԱՊԱՇՏՊԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔՈՒՄ. ԱՐԴԻ
ԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ԵՎ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՀԵՌԱՆԿԱՐՆԵՐԸ

1986 թվականի հունիսի 27-ին ՄԱԿ-ի միջազգային դատարանը որոշում կայացրեց Նիկարագուայի գործով: Իր ողջ պատմության մեջ առաջին անգամ դատարանը մեկնաբանեց և որոշակի լուծումներ սահմանեց միջազգային իրավունքի շրջանակներում ուժի կիրառման վերաբերյալ (*Ius ad Bellum*), այդ թվում հստակեցրեց պետությունների անկապտելի ինքնապաշտպանության իրավունքի իրականացման պայմանները: Ինչպես նշված էր այս գործում Նիկարագուայի գործի կարևորությունը կայանում է նրանում, որ ձեռք է բերվել ընդհանուր համաձայնություն ուժի կիրառման վերաբերյալ, որին ի պատասխան կարելի է դիմել ինքնապաշտպանության իրավունքի:

1945 թվականին ՄԱԿ-ի հիմնվելուց ի վեր տարբեր հետազոտողների դիրքորոշումներ ՄԱԿ-ի կանոնադրության 51-րդ (ինքնապաշտպանության իրավունք) հոդվածի վերաբերյալ խորապես տարբերվում էին, մասնավորապես հետևյալ բառակապակցության շրջանակներում. «եթե առկա է զինված հարձակում»: Վիճաբանություն ծագեց այն բանի վերաբերյալ, թե արդյոք կարելի է հիմնվել կանոնադրության 51-րդ հոդվածի վրա և հայտարարել արտերկրում այսպես կոչված քաղաքացիների պաշտպանության իրավունքի մասին, կարելի է արդյոք հիմնվել կանոնադրության 51-րդ հոդվածի վրա «չնչին» ռազմական հարձակման դեպքում, հնարավոր է արդյոք դիմել այսպես կոչված տարբեր տեսակի կանխարգելիչ ինքնապաշտպանությանը, կարելի է արդյոք դիմել ինքնապաշտպանության իրավունքին կանոնադրության 51-րդ հոդվածի շրջանակներում այն պետության նկատմամբ, որը կիրառում է այսպես կոչված «անուղղակի ագրեսիա» և այլն: Կա զգալի խառնաշփոթ «ուժի կիրառման» պահանջների վերաբերյալ, որն ավելի է խորանում, երբ միաժամանակ գործում է ՄԱԿ-ի կանոնադրության 51-րդ հոդվածը և հոդված 2(4), որը հաստատում է ընդհանուր արգելք զինված ուժի կիրառման նկատմամբ: Հարցն էլ ավելի սուր է դառնում մի կողմից 51-րդ հոդվածի մեկնաբանման և մյուս կողմից միջազգային իրավունքի ուսումնասիրության և կիրառման ժամանակ: Չնայած նրան, որ խնդրի վերաբերյալ գոյություն չունեն «ընդունված համաձայնություն», ՄԱԿ-ի կանոնադրությունն ընդունելուց հետո միջազգային իրավունքի վերաբերյալ պետությունների փորձը ցույց է տալիս, որ առկա է ընդհանուր պատկերացում ինքնապաշտպանության վերաբերյալ:

Այն չնչին հավասարակշռությունը, որը նախկինում գոյություն ուներ, հիմնովին վերացավ 2001 թ. սեպտեմբերի 11-ի և դրան հաջորդած դեպքերից հետո: Հանկարծակի հանրության ուշադրությանը ներկայացվեցին մինչ այդ գաղտնի պահվող բանավեճեր: ՄԱԿ-ի անդամ երկրներից մի քանիսը հայտարարեցին, որ զինված ուժի կիրառման վերաբերյալ ՄԱԿ-ի կանոնադրությունը այլևս ի գործ չէ պայքարել XXI դարի նոր

մարտահրավերների դեմ, պնդելով, որ անհրաժեշտ են նոր մեթոդներ միջազգային ահաբեկչությունների, զանգվածային սպանությունների, զենքի տարածման և այսպես կոչված «կործանված երկրների» դեմ պայքարելու համար: Ռազմական դոկտրինաները էլ ավելի հարմարեցվեցին ինքնապաշտպանության լայն մեկնաբանության համար: Որոշ իրավաբաններ հնարավորինս ամեն ինչ արեցին այս իրադարձությունները հասարակությանն հասանելի դարձնելու համար, նրանցից ոմանք անգամ այնքան խորացան, որ ԱՄՆ-ի հակադարձ պատասխանը սեպտեմբերի 11-ի դեպքերի վերաբերյալ (այսինքն ներխուժում Աֆղանիստան և «Բուշի դոկտրինայի» ընդունում) որակավորեցին որպես մի «ակնթարթային սովորույթ», որը փոխում է միջազգային իրավունքում առկա կանոնները:

Այս հետազոտության գլխավոր նպատակն է բացահայտել և վերլուծել ինքնապաշտպանության իրավունքի ժամանակակից ըմբռնման առանձնահատկությունները, այն չկիրառելու պատճառը, ուժի կիրառման սպառնալիքը, նրանց փոխհարաբերությունները, ինչպես նաև այլ միջազգային իրավական նորմերի և ինստիտուտների ուսումնասիրությունը, որոնք պետություններին իրավունք են տալիս դիմել ինքնապաշտպանության:

Այս ուսումնասիրության նպատակն է նաև ինքնապաշտպանության իրավունքին և միջազգային իրավունքի զարգացմանը վերաբերող միջազգային իրավական ասպեկտների համալիր ուսումնասիրությունը՝ ի նկատի ունենալով նոր սպառնալիքներն և մարտահրավերները:

Հետազոտությունը փորձում է բացահայտել ինքնապաշտպանության իրավունքին դիմելու օրինական և օբյեկտիվ չափանիշները, այդ թվում նաև ոչ պետական ակտորների հետ պայքարի դեպքում, ինչը կնպաստի ինքնապաշտպանության իրավունքի չարաշահման դեպքերի նվազմանը:

Այս նպատակներին հասնելու համար անհրաժեշտ է լուծել հետևյալ խնդիրները՝

- ուսումնասիրել միջազգային իրավունքում ինքնապաշտպանության ինստիտուտի ձևավորումն ու զարգացումը,

- ինքնապաշտպանության իրավունքի վերաբերյալ սահմանել ժամանակակից միջազգային նորմեր,

- սահմանել ժամանակակից միջազգային իրավունքում ինքնապաշտպանության ինստիտուտի իրավական բնույթն ու նորմատիվ բովանդակությունը,

- սահմանել ուժի չկիրառման կամ կիրառման սպառնալիքի և ինքնապաշտպանության ինստիտուտի փոխհարաբերությունները,

- ուսումնասիրել տարբեր երկրների փորձը պարզելու համար՝ արդյո՞ք գոյություն ունեն նորմեր, որոնք պետություններին իրավունք են տալիս ինքնապաշտպանության նպատակներով կիրառել զինված ուժ, ինչպես նաև ուսումնասիրել այդ նորմերի հստակ իրավական բովանդակությունը,

- այս հետազոտության շրջանակներում ուսումնասիրել ոչ պետական ակտորների կողմից զինված ուժի կիրառման միջազգային-իրավական դեպքերը:

**SELF-DEFENCE IN INTERNATIONAL LAW: MODERN ISSUES AND
PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT**

In June 27, 1986 the ICJ delivered its judgment in the Nicaragua case. For the first time it clarified and developed certain decisions on matters relating to the use of armed force in international law (*Ius ad Bellum*), it also defined the conditions for the referring to the inherent right of self-defence. As noted in this case, the importance of the Nicaragua case is that a general agreement in respect with the nature of the actions that can be considered as constituting an armed attack was reached, in response to which one can refer to the right to self-defence.

Since in 1945 the UN was established position of many researchers were deeply divided in respect with Article 51 of the UN Charter, which enshrines the right to self-defence, namely in terms of the expression “if an armed attack occurs”. The dispute arose as to whether or not one can rely on Article 51 of the Charter and declare so-called right of protection of citizens abroad; whether one can also refer to Article 51 of the Charter if the “insignificant” armed attack occurs; whether it is possible in general to apply so-called pre-emptive, preventive or interceptive self-defence?; whether it is possible to refer to the right to self-defence under Article 51 of the Charter in respect of state participating in the so-called “indirect aggression”?, etc. There is a considerable confusion in respect with “armed attack” requirements, aggravated at a correlation of Article 51 and Article 2 (4) of the Charter, which establish a general prohibition on the use of armed force. The issue becomes even more acute during the interpretation of Article 51 on the one hand and examining the rules of customary international law on the other. Despite the presence of the apparent lack of grim picture of a “common consent” after the adoption of the UN Charter the international law culture of states has developed a state’s behavior of certain common practice in relation to the framework of the right to self-defence. Most specialists consistently adhered to a broad interpretation of the prohibition of the use of force, along with a more or less strict reading of the right to self-defence.

Delicate balance that existed previously was fundamentally broken after the events of September 11, 2001 and subsequent following actions. Suddenly, dormant academic disputes were brought to the forefront of public attention. Some UN member states expressly stated that the UN Charter regarding the reference to armed force is not suited to deal with new threats and challenges in the XXI century, stating that there is a need for new mechanisms in order to “fight” against international terrorism, proliferation of weapons of mass destruction and the spread of so-called “failed states”. The military doctrines become more adapted to integrate into the broader interpretation of self-defence. Some lawyers have done everything in order to create a common legal practice (referring to the Article 51 against terrorists).

Moreover, some of them went so far as to qualify the U.S. response to the September 11 attacks (i.e. intervention in Afghanistan and the adoption of the “Bush Doctrine”) as an “instant custom” which modifies existing rules in international law.

Thirteen years later has already formed an impressive *opinio iuris* allowing more deeply interpret the norms in relation to self-defence. All this proves that some of the most radical proposals made immediately after the events of September 11 were made under the spur of the moment (emotions) and do not correspond to the actual requirements of the necessary changes in international law.

In this study we try to answer the question of how these events has changed the framework of the right of self-defence and we pay attention not only to *de lege lata* but also *de lege ferenda*. Moreover, we try to answer to the question whether this “storm” has radically changed the contemporary framework of *Ius ad Bellum* or not.

The main purpose of this study is to identify and analyze the features of the modern understanding of the right of self-defence, the principle of non-use or threat of force, their relations and the content of other existing international legal norms and institutions entitling States to apply to the self-defence.

The aim of the study is also a complex theoretical understanding of international legal aspects of referring to the right of self-defence and the development of international law in light of new threats and challenges.

The study attempts to identify objective criteria of legality of referring to the right to self-defence, including in the case of the non-state actors that would help to eliminate the abuse of the right to self-defence.

In order to achieve these goals we need to solve the following tasks:

- To investigate the formation and development of the institute of self-defence in international law;
- To determine the precise legal content of the right to self-defence in modern international law;
- To determine the legal nature and the normative content of the institute of self-defence in the modern international law;
- To determine the relation of the principle of non-use or threat of force and the self-defence;
- To examine the practice of States in order to determine the existence of other rules entitling States to refer to the self-defence and to determine their precise legal content;
- Within the framework of this research to review international legal issues in respect with non-state actors.